

Зрелая женщина. — 1995 —
18-20 июля
(и 27). — С. 7.

По случаю надвигающегося столетия МХАТ имени А.П. Чехова гастролирует в волжских городах. Раньше подобное плавание с остановками в различных точках от низовий до верховий назвали бы творческим отчетом театра накануне славного юбилея. Соответственной долей официальности были бы гастроли приправлены — из каждого города неслись бы в столицу вести о триумфальном шествии идей Станиславского и Немировича-Данченко, о вечной славе традиций и так далее, и тому подобное.

Ныне же все куда спокойнее — тем, наверное, искреннее само это событие: ведь в наше время невозможности постоянно поддерживать контакты гастрольная поездка Художественного театра становится подлинным событием, свидетельствующим о том, что все-таки она вертится, земля, и все-таки она идет порой своим чередом, жизнь.

Наверное, было бы здорово поплавать с ними по волжским водам, насладиться природой, погодой, общением — всем тем, чего в нашей жизни становится меньше и меньше. Вернее, остается-то, наверное, столько же, но внимания все-таки этому уделяется слишком мало. Но по-своему интересно и познавательно было присоединиться к МХАТу даже на ту малость, на которую расщедрилась для меня судьба. Я приехала в Самару на "круглый стол", посвященный теме "МХАТ вчера, сегодня, завтра", и успела еще раз посмотреть "Бориса Годунова" — одну из последних работ театра.

Повторюсь: это было и интересно, и познавательно. И потому, что в ином (несколько облегченном) оформлении спектакль прозвучал иначе. И потому, что мои коллеги из провинции, не имевшие возможности несколько сезонов видеть мхатовские премьеры, говорили о спектаклях, показанных в Самаре и на теплоходе, совсем не так, как избалованные пестротой и многообразием зрелищ коллеги столичные. И, наконец, потому, что сама тема "круглого стола" заставила меня как-то непривычно задуматься о судьбе этого многострадального коллектива, которому столько раз на его столетнем веку предрекали и смерть, и обновление, и вялое жизненное течение.

Отделить зерна от плевел

Это, наверное, было для меня главным. Потому что расставились какие-то точки над каким-то "и", и в воображении нарисовалась картина, чем-то схожая с той, что украшает фойе сегодняшнего МХАТа в Камергерском переулке.

Не в том ли суть нашего нередкого неприятия дня нынешнего Художественного театра, что мы требуем, чтобы Ефремов стал Станиславским, а театр жил идеями, зародившейся столетие назад и почти полностью осуществившейся спустя полтора-два десятилетия? Нет, ни в коем случае я не хочу упрекнуть кого бы

то ни было в желании подменить день реальный, существующий, днем ушедшим, неповторимым. По крайней мере, в сознательности подобного стремления. Но неосознанно, почти невнятно для себя самих — нет ли этого странного призвука в наших суждениях?

Если внимательно перечитать "Мою жизнь в искусстве", станет ясно, насколько проблематичным было существование (правильное, по-задуманному) Художественного театра для самого его создателя — как много смятения, как много боли на этих страницах. Думаю, отчасти связаны они с тем, что Станиславский прекрасно понимал: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, а идеи конкретизируются, обогащаются или нищают с течением времен. Уж, во всяком случае — корректируются. "Что, такое время? — спрашивал себя Достоевский в черновиках к "Преступлению и наказанию". — Время не существует, время есть: отношение бытия к небытию".

До чего же современна эта мысль! И не пытаемся ли мы так или иначе отношение это, вполне самостоятельную величину, величину конкретную, подправить, заменить, подавить? МХАТ был задуман как идея "театра переживания", противопоставленная идее "театра представления" — об этом знают все. И сегодня, когда искусство, обогащенное идеей переживания, вновь пытается вернуться на стезю представления, мысль нынешнего МХАТА, может быть, не вполне отчетливая, может быть, не совсем выявленная, но все же несомненно для меня бьется за давние принципы. Это далеко не всегда удается: изменились и люди, и мысли, и время, и способ выражения чувства. Все изменилось, но остались поразительно счастливые миги, ради которых ходишь в театр. Не только в этот. Но и в тех четырех мхатовских премьерах, что довелось мне увидеть в завершившемся сезоне, во многом спорных, вызвавших совсем не случайную полемику, эти миги были. Они связались не столько со спектаклями в целом, сколько с актерскими именами — Олега Ефремова (Борис Годунов), Михаила Ефремова (Самозванец), Сергея Сазонтьева (Юродивый), Вячеслава Невинного в спектакле "Тойбеле и ее демон", Дмитрий Брусникина в спектакле "Новый американец".

Может быть, эти счастливые мгновения и есть рассыпанные пока зерна идеи, которую несмотря ни на что мучительно и трудно ищет Художественный театр сегодня? Может быть, эти счастливые мгновения и есть залог того, что настоящее существует, а будущее рано или поздно прорастет из этих зерен?

Прогнозировать невозможно — к этому жизнь нас, кажется, причудила твердо. Но как хочется надеяться.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.